

УДК 821.161.1-93. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-67-76. ББК Ш383(2Рос=Рус)-4.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.3

ДИАЛОГ СО «ШКОЛЬНЫМ КАНОНОМ» В СОВРЕМЕННОЙ ПОДРОСТКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Черняк М. А.

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9291-1781>

SPIN-код: 4364-6689

А н н о т а ц и я . В статье представлены разные варианты диалога с классическим текстом в современной литературе для подростков. Используя классику в разнообразных авторских стратегиях, современная подростковая литература становится инструментом интерпретации и «оживления» канона. Тексты Нины Дашевской, Андрея Жвалевского и Евгении Пастернак, Алексея Олейникова, Елены Клишиной, Юлии Яковлевой и др. в их жанровом многообразии (ремейк, графический роман, фанфик, сиквел) дают возможность ответить на вопрос о современном статусе классики и ее меняющихся функциях. Ситуация читательского кризиса и кризиса литературного образования объясняет многолетние научные и педагогические дискуссии о пересмотре классического канона и его места в школьной программе по литературе. Подростковая литература становится важным маркером происходящего в современном литературном поле: именно здесь происходят новые попытки осмысления, присвоения и комментирования классики. Современная детская литература с ее разнообразным жанровым и тематическим репертуаром оказывается для читателя не только территорией самостоятельной интерпретации, но и пространством новых способов взаимодействия с писателем. В статье представлены эксклюзивные интервью с современными детскими писателями по теме исследования. Автором сделаны выводы о том, что если взрослая литература демонстрирует тенденции упрощения и пародирования классического текста для массового читателя, то подростковая литература, апробирующая разные форматы игры с текстами школьной программы по литературе, является своеобразным «проводником» в мир классической литературы.

К л ю ч е в ы е с л о в а : современная детская литература; массовая литература; классика; школьный канон

Для цитирования: Черняк, М. А. Диалог со «школьным канонам» в современной подростковой литературе / М. А. Черняк. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 67–76. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-67-76.

DIALOGUE WITH THE “SCHOOL CANON” IN MODERN TEEN LITERATURE

Maria A. Chernyak

Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9291-1781>

Abstract. This paper presents different variants of dialogue with the classical text in modern literature for teenagers. Using literary classics in various authorial strategies, modern teen literature becomes an instrument for interpretation and “revival” of the canon. The works by Nina Dashevskaya, Andrey Zhvalevsky and Evgeniya Pasternak, Aleksey Oleynikov, Elena Klishina, Yuliya Yakovleva, etc. in their variety of genres (remake, graphic novel, fan fiction, sequel) provide an opportunity to answer the question of the modern status of classics and their changing functions. The situation of the reader’s crisis and the crisis of literary education explains the long-term scientific and pedagogical discussions about the revision of the classical canon and its place in the school literature curriculum. Teen literature is becoming an indicator of what is happening in modern literature: new attempts to comprehend, acquire and comment on literary classics are taking place here. Modern children’s literature and its diverse genre and thematic repertoire turn out to be for the reader not only a territory of independent interpretation, but also a space of new ways of interacting with the writer. The article presents exclusive interviews with contemporary children’s writers on the topic under investigation. The author concludes that if adult literature demonstrates trends of simplifying and parodying classical text for the general reader, the teen literature, testing different formats of playing with the texts of the school literature curriculum, is a kind of “guide” across the world of classical literature.

Keywords: modern children’s literature; mass literature; classics; school canon

For citation: Chernyak, M. A. (2024). Dialogue with the “School Canon” in Modern Teen Literature. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 4, pp. 67–76. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-67-76.

Постановка проблемы

Проблема диалога классики и современной массовой литературы не раз становилась темой дискуссий междисциплинарного научного проекта «Культ-товары: феномен массовой литературы современной России»¹. Предметом исследования

России» (Санкт-Петербург, 2008), «Культ-товары-XXI: ревизия ценностей (масскультура и ее потребители)» (Екатеринбург, 2012); «Топография популярной культуры» (Тампере, Финляндия, 2013); «Патриотизм, гражданственность, национализм: политические концепты в современной массовой культуре» (Пермь, 2015); «Культ-товары: массовая литература современной России между буквой и цифрой» (Санкт-Петербург 2017); «Культ-товары: коммерциализация истории в массовой культуре / литературе» (Болонья, Италия, 2019); «Культ-товары. Массо-

¹ «Культ-товары: феномен массовой литературы в современной

участников проекта являются культурные феномены, жанры, литературные и медиатексты, которые, согласно любым статистическим опросам, наиболее популярны у читателей и, следовательно, оказывают несомненное влияние на формирование идеалов, ролевых моделей, социально-культурных убеждений и предубеждений значительной части читателей.

Писатели-классики, по словам Д. С. Мережковского, «вечные спутники человечества», не раз становились объектом разнообразного диалога. Несмотря на дискуссии о том, остается ли Россия и в настоящее время литературоцентричной страной и является ли классика морально и идеологически безупречной, нельзя не признать, что классическая литература продолжает быть важнейшей, если не стержневой, составляющей национальной идентичности. Массовая культура использует классику чрезвычайно многообразно и с различными целями. Но отношения классики и популярной культуры не являются однонаправленными. В этом контексте важно вспомнить утверждение У. Эко о том, что для постмодерна и массовой литературы понятия повторения и воспроизведения являются ключевыми [Эко 1996: 52]. Вся культура в контексте этой теории может быть представлена как огромная гипертекстовая структура, каждое последующее повторение – рефлексия по поводу предшествующей культурной традиции, продолжение и завершение ее на другом уровне. Используя классику в своих целях, массовая культура становится инструментом интерпретации и «оживления» канона.

При обостряющейся неблагоприятной для бытования классики социокультурной ситуации, при которой, по словам В. Е. Хализева, происходит, с одной стороны, «авангардистское небрежение культурным наследием и произвольная, искажающая модернизация прославленных творений – их прямолинейное осовременивание», а с другой – «омертвляющая канонизация, оказывание, догматическая схематизация авторитетных произведений как воплощений окончательных и абсолютных истин» [Хализев 2009: 362], «нормой» отношения к классике становится «неимперативное, свободное признание ее авторитета, которое не исключает несогласия, критического отношения, спора» [Там же].

Ситуация читательского кризиса и кризиса литературного образования объясняет многолетние научные и педагогические дискуссии о пересмотре классического канона и его места в школьной программе по литературе¹. Подростковая ли-

тература² становится важным маркером происходящего в современном литературном поле, именно здесь происходят новые игры с классикой, новые попытки ее осмысления, новые попытки ее присвоения, новые попытки ее комментирования.

Используемые методы и аналитические подходы

Обращение современных писателей к классическим образцам – это эксплуатация «сильных» (У. Эко) текстов-архетипов или стремление к сохранению ценностных ориентаций национального канона? Такой диалог с классикой обеспечивает эффект «узнавания» канона или эффект повышения статуса произведения за счет «высокой» культуры? Становится ли использование классики в популярной культуре средством ее популяризации или оборачивается постепенным разрушением, десемантизацией первоначальных смыслов? Эти методологически значимые вопросы становятся предметом научных дискуссий последних лет³. Для этой статьи методологически значимыми являются концепции «культуры соучастия» Г. Дженкинса, междисциплинарные исследования массовой культуры, детской литературы, социологии литературы.

Если исходить из выделения Б. В. Дубиним двух режимов существования классического образца: «его учреждение (признание, удостоверение, награждение) и поддержание (репродукция, передача через пространство и время, через социальные и культурные границы – поколения, языки)» [Дубин 2010а: 19], то можно предположить явный сбой в режиме «поддержания». И прежде всего он связан с тем, что современный юный читатель не воспринимает классический текст или воспринимает его с большими сложностями.

Литература всегда обнаруживала склонность к созданию вторичных текстов (фанфикш, сиквелы, ремейки, приквелы, адаптированные пересказы, комиксы и др.), в которых заимствуются названия, имитируются стиль, жанр произведений предшественников. Такие тексты-спутники облегчают диалог с классическим текстом не только массовому читателю, но и читателю неискушенному – подростку. Исследователи детской литературы, библиотекари и школьные учителя не раз отмечали устойчивый интерес читателей подросткового возраста к жанровой литературе (фантастика, фэнтези, приключения, антиутопии, детективы и др.). Так, например, Ю. В. Булдакова, анализируя большой корпус отечественного фанфикшена, утверждает, что «вследствие влияния массовой культуры читатель в классическом художественном тексте видит насыщенную событийность, лю-

вая культура в современной России: конструирование миров, умножение серий» (Гродно, Беларусь, 2020); «Культ-товары: Локальное как ресурс современной массовой культуры» (Иваново, Россия, 2022); «Культ-товары: Русская классическая литература как ресурс для современной массовой российской культуры» (Ясная Поляна, Россия, 2024). Постоянный Оргкомитет проекта: М. П. Абашева, М. А. Литовская, И. Л. Савкина, М. А. Черняк.

¹ Интересные ракурсы этой темы представлены в монографии: Русская классика в диалоге с современностью: модели взаимодействия: монография / В. А. Доманский, О. Б. Кафанова,

Н. А. Миронова, Н. А. Попова. М.: Флинта, 2022. 498 с.

² Нужно оговорить, что понятие «подростковая литература» используется сознательно. Важно подчеркнуть, что оно естественно входит в более широкие понятия «детская литература», «современная детская литература», «новейшая детская литература» и т. д. и обозначает возраст читателей.

³ Эти вопросы обсуждались на конференции «Культ-товары: русская классическая литература как ресурс для современной массовой культуры» (16–20 мая 2024, Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна»).

бовно-авантюрный сюжет, экстенсивное развитие пластичного образа, экспрессивность и драматичность. Именно событийный уровень текста, жанровая формула фэнтези и романтизированный герой воспринимаются читателем как ключевые точки, связывающие текст фанфикшн с источником, и именно они становятся кодом, с помощью которого в читательском творчестве переосмысливается классический текст¹.

Говоря об изменении отношения к классике у современных подростков, нельзя не учитывать тот факт, о котором пишет культуролог М. Ю. Гудова: в условиях постграмотности тексты культуры приобретают новые качества, «становятся мультимедийными, полиморфными, гипертекстами, а чтение – не только книжным, газетно-журнальным, но и наряду с этим экранным и мобильным, мультимедийным, интерактивным» [Гудова 2015: 132–133]. Современные читательские практики стремительно изменяются, читатель, особенно молодой, осуществляет функцию не только «свободного дрейфа-выбора текстов для чтения и их интерпретации, но и деконструкцию оппозиции автор – читатель в отношении к тексту, самостоятельно и творчески осуществляет функцию конструирования текстов, их комментирования, редактирования и наделения смыслом» [Там же].

Массовая культура наиболее показательно работает с классическим наследием, она его присваивает и демонстрирует разнообразные варианты этого присвоения. Достаточно репрезентативно эти маршруты представлены в современной литературе для подростков.

Исследование

Решающую роль в формировании литературного канона и пантеона художественных произведений играет школьная программа, которая с каждым годом приходит во все большее противоречие с действительным кругом чтения подростков. Интерес к классическим произведениям у современных школьников значительно ослабевает. С одной стороны, по мнению Б. В. Дубина, классика в школе становится «практически единственным средством собственно литературной социализации – усвоения ядерных значений литературной культуры и установленных способов оперирования ими (норм рецепции, оценки и обсуждения литературы)» [Дубин 2010b: 21]. С другой стороны, нельзя не учитывать тот факт, что современные подростки являются самой неподготовленной и наивной частью читательской аудитории.

М. Г. Павловец, всесторонне анализируя школьный канон, ссылается на мнение немецкого ученого Р. Кюнцли, полагающего, что школьный канон носит секундарный характер по отношению к примарному культурному канону, являясь функциональным, пропедевтическим извлечением из него, чья функция – «обеспечивать совместное уча-

стие разных поколений в культурной жизни, служить основным компонентом культурной инициации» [Павловец 2016].

Школьный канон не раз становился предметом профессионального внимания серьезных литературоведов и социологов литературы. Так, С. С. Аверинцев заметил как-то, что «ценностям высокой классики очень идет быть школьными ценностями», и пояснил, почему: «Для чего хороша непреложность, отчетливая данность отношения к авторитету, заставляющему себя слушаться одним своим присутствием, так это, конечно, для школы» [Аверинцев 1982: 195]. «В школе для классиков все оценки предписаны и обсуждению не подлежат, а за стенами школы для современности допускаются споры и выяснения» [Гаспаров 2012: 159], – рассуждал об этой проблеме М. Л. Гаспаров. В этом контексте теоретически значимыми становятся слова и Б. Дубина о том, что в «развитом массовом обществе основополагающая роль классики в культуре, ценность литературы и нормы интерпретации этой ценности, отрефлексированные и манифестированные в эпоху модерна, перестают работать в прежнем масштабе, функциональном смысле и режиме усилиями прежних агентов. Сказанное не означает, что классики как принципа оценки и классики как корпуса образцовых авторов и текстов больше нет, а предполагает, что она уходит на другие уровни социума, меняет не только роль, но и облик, выдвигает иных носителей. Так или иначе искать ее (как и культуру, личность, историю, высокое – оборву перечень проблем и достижений модерна, который можно продолжать) приходится теперь в “другом”» [Дубин 2010b: 38]. Это *другое* и есть разнообразно представленный в современной литературе для подростков диалог с классикой.

Все чаще среди исследователей и специалистов звучит мнение о том, что новейшая детская и подростковая литература могла бы стать своеобразным проводником в мир классической литературы и средой формирования современных читательских практик и функциональной грамотности. Если взрослая литература демонстрирует тенденцию пародирования классики, упрощения классического текста для массового читателя, развития классической традиции на новом этапе литературного процесса и в новой системе координат, то детская и подростковая литература скорее является проводником, «мостиком» в мир литературы классической. Стратегия писателей подростковой литературы такова, что зачастую они используют в текстах так называемые «пасхалки». Этот термин впервые появился в индустрии компьютерных игр и означал «секретные послания», которые можно найти, лишь усердно исследуя игру. Именно «пасхалки» стали популярны в современной массовой культуре и, в частности, в массовой литературе, к которой тяготеет подростковая литература. Процесс поиска «пасхалок» оказался очень созвучен клиповому мышлению современных потребителей информации в эпоху расцвета массовой культуры, популярности сериалов и социальных сетей. Под-

¹ Булдакова Ю. В. Восприятие текста классического поэтического произведения читателями фанфикшн // Филологический класс. 2020. Т. 25, № 3. С. 135.

ростковая литература реализует движение не от сложного (как построена вся школьная программа по литературе), а к простому, узнаваемому. Диалог с классикой через ремейк, через сиквел, через систему вторичных текстов и пытается найти путь от нечтения к чтению.

Современная детская литература с ее разнообразным жанровым репертуаром оказывается для читателя не только территорией самостоятельной интерпретации, но и пространством новых горизонтальных, партиципаторных способов взаимодействия с создателем книги. Возникает «культура соучастия», о которой социолог Н. Самутина писала, что у нее есть «продуктивный преобразующий потенциал, их способность по-своему преодолевать национальные и культурные границы и влиять на развитие глобальных явлений в локальных контекстах даже тогда, когда национальные культурные индустрии, включая рынок массовой продукции, по каким-то причинам не способны выполнить эту задачу должным образом» [Самутина 2022: 187].

Однако важно учитывать, что необходимым условием развития социогуманитарного знания считается процесс непрерывного перечитывания, переосмысления и переоценки классических текстов. В свете этого различия М. Гаспаров описывал современное отношение к классике следующим образом: «В принципе разницу между классикой и беллетристикой можно определить так: классика – это тексты, рассчитанные на перечтение, беллетристика – на однократное первочтение. Даже если классическое произведение читается лишь один раз, то этому предшествует какая-то предварительная наслышка, а за этим следует если не перечтение, то хотя бы готовность к перечтению. Так вот, культура восприятия классики, культура перечтения в новейшее время быстро исчезает: отчасти просто из-за умножения числа книг» [Гаспаров 1988: 21]. Показательны ответы подростков на вопросы, предложенные редакцией сайта о детском чтении «Папмамбук», об их отношениях со школьной классикой: «Вообще, когда про книгу говорят “классика”, у меня это сразу вызывает настороженность и подозрение. Кажется, что это какая-то скука, которую читали “сто лет назад”, а сейчас даже и не поймешь, о чем она. И порой бывает очень трудно преодолеть это предубеждение» (Варвара Кузнецова, 13 лет, г. Москва); «произведения из школьной программы чаще всего оставляют равнодушной, не берут за душу и кажутся невероятно скучными. Из включенного в школьную программу я сама почти ничего не стала бы читать» (Катерина Омельницкая, 15 лет, г. Оренбург); «Мне кажется, школьная программа только выиграла бы, появившись в ней произведения о наших ровесниках и современниках, вызывающие отклик, интерес. Отличный пример – книга Эдуарда Веркина “Кусатель ворон”, в которой явно угадываются гоголевские мотивы. Здесь есть долгое путешествие по городам и весям, неприглядная картина запущенных городов, а окружение главного героя – галерея пусть не пороков, но точно не самых приятных качеств. Есть юмор на грани абсурда и абсурд на грани сюрреализма – а некоторые ситуации перекликаются с “Петербуржскими повестями” Гоголя или теми

же “Мертвыми душами”. Но все это современно и узнаваемо – а значит, между книгой и читателем возникает резонанс» (Полина Фурс, 15 лет, г. Москва)¹.

К довольно распространенным культуртрегерским проектам массовой литературы можно отнести и определенный способ диалога с классикой, реализуемый современными детскими писателями, думающими о своем читателе (вынесем здесь за скобки, например, Александра Полярного с его «Мятной сказкой», самой продаваемой книгой 2019 г. («Эксмо-АСТ» с тиражом в 240 000 экземпляров) с девизом «прочитай, забудь и живи, как раньше жил» (выделено мной – М. Ч.). В книгах, о которых будет идти речь, авторская стратегия противоположная.

Показательным примером выстраивания диалога с классикой является книга А. Олейникова «Евгений Онегин. Графический путеводитель» (иллюстрации Н. Яскиной). Присутствие пушкинских строк в «чужих текстах» – одна из ярких черт не только постмодернизма, ориентированного на интертекстуальность и пародию, но и современной детской литературы, которая нередко обращается к образу А. С. Пушкина (В. Ледерман «Ну, Пушкин... ну, погоди!», М. Ионина «Профиль Пушкина», А. Ремез «С чистого листа», К. Бове «Ужель та самая Татьяна?», А. Сахненко «Евгений Онегин. Версия 2.0. Эксперимент в стихах» и др.).

Графический путеводитель «Евгений Онегин» А. Олейникова представляет собой принципиально новый тип преобразования классического романа. В аннотации к книге сказано, что она «раскрывает основные события романа через комикс (Пушкин бы оценил!); мгновенно снимает порчу школьного образования; поддерживает текст классика цитатами его современников, визуальными комментариями, инфографикой, делая культурный код романа доступным и запоминающимся» [Олейников 2022: 5]. Текст путеводителя у А. Олейникова превращается в гипертекст с множеством внутренних ссылок. Писатель в своем интервью «Лаборатории ДЕТИТ» отмечает: «Здесь объединены сразу несколько видов графического нарратива. С одной стороны, здесь есть комикс. И комикс, как отдельный жанр <...>, это именно отдельный вид искусства – тексто-графическое единство, которое имеет право на существование. С другой стороны, здесь присутствует инфографика, где представлены целые информационные развороты»². Такой подход к чтению классического текста современные педагоги считают достаточно продуктивным, отвечающим вызовам цифровой эпохи и определяют инфографику как «визуальную репрезентацию данных» и «целенаправленную

¹ «Я больше люблю читать то, что называется... Слово – авторам подростковой редакции». URL: <https://www.papmambook.ru/articles/5426/?ysclid=m2q8msisy75665119651> (дата обращения: 10.12.2024).

² «Лаборатория ДЕТИТ» – научно-творческое объединение филологического факультета РПУ им. А. И. Герцена (научный руководитель – М. А. Черняк). URL: <https://t.me/DetLitHerzen> (дата обращения: 01.11.2024). Интервью с писателями размещено на странице ресурса.

контекстуальную комбинацию текста и визуальных элементов, организованных и предназначенных для рассказывания визуальной истории» [Сосновская, Малышева, Арсентьева 2023: 223]. Олейников представляет не адаптацию литературного текста в форме комикса, а скорее, попытку синхронизировать текст с эпохой автора и героев произведений, при этом сделать это в доступной для современного читателя форме. Графические путешественники становятся новым социокультурным явлением, в котором классическое произведение тесно переплетается с комментированными отступлениями о структуре текста, эпохе, а также о личности авторов.

Для А. Олейникова диалог с классикой абсолютно естественен в связи с тем, что как практикующий учитель литературы он прекрасно осознает запросы современного юного читателя. Совсем недавно писатель начал работать над серией ретро-детективов о Серебряном веке. Героиня Олейникова – Вера Остроумова, одна из первых женщин-антропологов, окончившая Кембридж и исследующая феномен смерти. Вера оказывается свидетельницей разных преступлений, которые она расследует при помощи своего родного брата, живущего затворником, но ведущего оживленную переписку с европейскими философами начала XX века. Так, первая книга серии «Легкое дыхание» запускает важный в терминологии В. Набокова процесс «перечитывания»¹. Само название текста Олейникова, отсылающее к одноименному рассказу И. Бунина, сразу предельно точно обозначает авторскую стратегию открытого диалога с классикой. Вера Остроумова становится свидетелем убийства Оли Мещерской, героини бунинского рассказа. В своей знаменитой статье о «Легком дыхании» Л. С. Выготский, удивляясь, почему Бунин не сделал из этого сюжета детектив или драму, сам же приходит к выводу о том, что содержание рассказа противоречит форме и что Бунин заставил «житейскую муть звенеть и звенеть, как холдный ветер» [Выготский 1986: 195]. Через сто лет бунинский сюжет иронически отражается в зеркале текстов XXI в., что можно увидеть в следующем фрагменте: «Ужасная история, – сказала Вера. – Любовь, растление, роковые страсти юной девушки. Насильственная смерть.

– Ну разумеется, как же иначе, – доктор налил еще кипятку из сверкающего медалями самовара, на боку которого значилось: Товарищество В. О. Пелевин и сыновья» <...> В смерти Оли Мещерской не было легкости. Там были отчаяние, обреченность и что-то еще сверх того, дьявольская неуловимая доля. Вот за ней Вера и кралась по следу – в отличных итальянских сапогах» [Олейников 2024: 35].

Думается, что рассказ «Легкое дыхание» как претекст выбран А. Олейниковым не случайно. Множественность литературных отсылок в романе, безусловно, отсылает к бунинскому тексту, в

котором, в свою очередь, тоже можно обнаружить большое количество литературных аллюзий и сюжетных переключек с классической прозой, о чем писали многие исследователи Бунина. Не раз упоминали, что фамилия гимназиста Шеншина является аллюзией на А. Фета, а легкое дыхание восходит к известному стихотворению «Шепот, робкое дыханье...», порождая своего рода идилический модус восприятия. В Оле Мещерской видели сходство с Анной Карениной и Настасьей Филипповной, а убийство Оли Мещерской на вокзале во время прибытия поезда и сюжетно переключается с Толстым, что дает возможность прочитывать трагическую историю Оли Мещерской как торжество «высшего нравственного закона», о котором писал Толстой. А кладбищенские мотивы рассказа восходят к «Бедной Лизе» и «Станционному зрителю» [см. об этом: Красоткин 2019].

Графические путешественники и ретро-детективы А. Олейникова, роман-ранобэ (вариант японского комикса) Ю. Яковлевой «Поэты и джентльмены», повесть Н. Дашевской «День числа Пи», отсылающая к пушкинскому «Моцарту и Сальери», пьеса А. Жвалевского и Е. Пастернак «Образ Чацкого скачать бесплатно» и повесть «Смерть мертвым душам», коллективный роман-буриме «Война и мир в отдельно взятой школе» и др. эксперименты писателей XXI в. возникают не случайно, а в полной мере отражают не только тенденции современного литературного процесса, но и актуальные проблемы литературного образования. Однако очевидно некоторое противоречие: специфическая природа школьного литературного дискурса должна опираться прежде всего на классические каноны, являющиеся фундаментом литературного образования, и в то же время методисты не могут игнорировать общий медийный ландшафт и распространение новых медиаформ в культуре. «Следовательно, – полагают методисты – восприятие классической литературы в новых мультимедиа-формах видоизменяется. Развитие цифровых технологий ускорило создание новых художественных произведений и пересказов старых текстов. Многие из этих текстов очевидно отличаются от бумажных книг: они не только вербальны, но также визуальны и аудиальны; они могут существовать в виде полноразмерных версий или быть измельчены на анонимные фрагменты; они могут изменять оригинальный сюжет различными способами и позволяют читателю выбирать» [Гетманская 2024: 107].

Ученые говорят об активной «мемизации» русской национальной культуры, в том числе и классики. Для понимания мема достаточно пересказа, о чем свидетельствует популярность сайта пересказов Брифли². В этом контексте представляется симптоматичной повесть Елены Клишиной «Спойлеры», написанная в стиле кратких содержаний классических произведений. Ученик десятого класса Захар Табашников не читает книги из школьной программы, но через год ему предстоит

¹ В серию еще будут входить романы «Серебряный голубь», «Смерть чиновника» и «Гранатовый браслет».

² URL: <https://briefly.ru/> (дата обращения: 01.11.2024).

сдавать ЕГЭ. И тогда учительница литературы Ольга Леонидовна дает Захару задание на каникулы: прочитать произведения русской классики и вести читательский дневник. Захар заводит блог в социальной сети, который читают и Ольга Леонидовна, и одноклассники Захара, и его мама, а в комментариях к постам возникают острые дискуссии о литературных текстах. Старый формат читательского дневника преобразуется в достаточно популярный сегодня книжный блог, написанный о классике языком современного подростка. Ср.: «Мертвые души» – это типа квест: сначала пройти по помещикам и собрать души, а потом выбраться из города, не прибегая к магии и насилию. И еще сейчас одну вещь скажу, только не ржите: история Чичикова – это такой жизненный трип. Родился человек, занимался всю жизнь какой-то ерундой в надежде поднять бабла, а потом в гремящей карете с закрытыми (ставнями? шторками?) – читай в ящичке – покидает сей бранный мир. Как-то так» [Клишина 2020: 83–84]. Блог героя Клишиной, который своеобразным путем пришел к пониманию классики, вступает в своеобразный диалог с книгой современного книжного блогера Валерия Печейкина «Лекции о русской литературе: от Пушкина до Кафки». Названия глав («Пушкин как гениальный копирайтер», «Гоголь криповый и кринжевый», «Одоевский как мультипотенциал» и др.) в полной мере отражают стиль книги. Ср.: «Почему мы любим Пушкина сегодня? Потому что он кудрявый, а это модно. Какой еще русский писатель был кудрявым? Все, в основном, бородастые. Мы любим Пушкина, потому что он не дожил до бумерского возраста и не стал “душнить”. Рано умер, в возрасте миллениала. Поэтому если зумеры могут себя с кем-то ассоциировать, то с Пушкиным. И на молодежном сленге сегодня «пушка» – это выражение одобрения. Россия никогда не отпустит Пушкина. Он ее сердце и центр. Он соединил в себе все, что после него разъединилось и стало конфликтующими идеологиями. Пушкин был западник и русофил, либерал и патриот, интроверт и экстраверт. Одновременно. Сегодня о Пушкине шутят, что он похож на современного рэпера – был темнокожим, нигде не работал и умер в перестрелке из-за женщины» [Печейкин 2023: 5].

Литературные произведения, о которых шла речь, свидетельствуют о том, что в современной культуре возникает новый тип текстов – «полифонические, сетевые и не-сетевые гипертексты, которые освобождают читателя от созидательной воли автора, его диктата в отношении грамматики языка, наделяющие читателя свободой конструирования текстов и их смыслонаделения» [Гудова 2015: 288]. Чтение на основе таких текстов, представленных в современной культуре, культуролог М. Ю. Гудова называет постграмотным чтением, которое представляет собой социокультурную систему практик извлечения значений и смыслов из совокупности разной природы знаков в мультимедийных сетевых и полиморфных не-сетевых гипертекстах культуры. Эпоха постграмотности – это культурно-исторический отрезок времени, грани-

цей которого стал системный сдвиг социокультурных качеств чтения и, как следствие, качеств субъектов культуры [Там же].

Специфика изучения современной литературы заключается в возможности непосредственного диалога с активными участниками литературного процесса. Анкетирование как важный методологический инструмент социологии литературы, занимающейся всеми институциями, входящими в литературное поле, представляется очень важным для выявления особенностей авторских стратегий в эпоху постграмотности. В связи с этим автором статьи был задан ряд вопросов писателям, каждый из которых в своих произведениях для подростков так или иначе вступал в разнообразные формы диалога с классикой¹. Привожу лишь несколько принципиально значимых ответов:

1. *Может ли детская (подростковая) литература вернуть юного читателя к классике? каким образом?*

– Думаю, «возвратить к классике» – не совсем верно, потому что это не возвращение, а движение вперед. Через современную литературу классика воспринимается на новом уровне. Ребенок вправе прочесть книгу, в которой упоминаются классические тексты, делаются отсылки к ним – и не пойти дальше, просто услышать, что такие книги есть. Но кто-то и пойдет дальше, конечно. И обратится к первоисточнику (*Нина Дашевская*).

– Чтение ведь развивает любопытство? Захочется ведь хотя бы полистать «великих»? Столько разговоров! И площадь, и станция метро «Пушкинская», самолет «Бродский»... Если писатель придумает какого-нибудь симпатичного чудака, читающего «Войну и мир» под одеялом с фонариком, то детям захочется на этого чудака походить (*Артур Гиваргизов*).

– Как автор, который написал книгу про Льва Толстого для детей с надеждой на то, что этот текст заинтересует молодую аудиторию творчеством и судьбой Толстого, я скажу: «Да. По крайней мере, хотелось бы верить». Но как скептик и реалист, пожалуй, отвечу: «очень и очень редко. В порядке исключения и по счастливому стечению обстоятельств, например, когда все совпадает: позитивно настроенный ребенок, отличный текст и та классика, которая действительно может пробудить любопытство. Без любопытства не будет вообще никакого движения (*Анастасия Строчкина*).

– Может вернуть к классике путем упоминания интересных гениальных фраз к классическим произведениям, отсылок к ним. Цитирую стихи классиков, особенно для детей помладше. Таким образом те дети, которые еще не знакомы с этими стихами, когда-нибудь вспомнят и найдут их. А те, кто думает, что не любят стихи, могут изменить отношение к ним. Или, как в книге «День глухого Кита», я описываю то, что читают главные герои. Ведь если читателям нравится мой герой, им любопытны его увлечения, его круг интересов.

¹ Выражаю глубокую признательность писателям за участие в опросе.

В книге «Великолепный Веня Венчиков», где Веня встречается с Пушкиным, Лермонтовым, Гоголем, Паустовским, Маяковским и другими классиками, я старалась рассказать о писателях так, чтобы приблизить их к читателю. При этом использовала их настоящие привычки и увлечения, о которых не рассказано в школьных хрестоматиях. Девиз этой книги: «Писатели – это не портреты на стенах» (Кристина Стрельникова).

– Конечно, может, если человек умеет считывать символы и аллегории, понимать, откуда ноги растут у современных персонажей, ловить отсылки и пародии. Тот, кто знает тексты Александра Пушкина, опознает в «Зверском детективе» Анны Старобинец поэта Лисандра Опушкина и сможет сопоставить ритм двух стихотворений, классического и пародийного (Лариса Романовская).

– Если современное детское произведение ассоциативно классическому, если есть параллели или отсылки, то любопытство может побудить читателя заглянуть в первоисточник. Если я говорю, что «Баранчик» – это «Тартюф» для детей, то кому-то, может быть, после детского варианта захочется заглянуть в ту книгу, которая «для взрослых». И через желание подражать. Если современный герой увлекается классикой, и этот герой нравится читателю, то все может быть... (Анна Игнатова).

– Куда возвращать, если дети с ней еще не успели познакомиться? А вот познакомить может. Заинтересовать. Любимый пример: «Битвы по средам» Гэри Шмидта. Там мальчик с учительницей литературы читают Шекспира «Бурю», сначала как бы «на слабо», потом он втягивается, участвует в спектакле, и Шекспир для него – не какой-то там автор эпохи Возрождения, а современный, понятный. Беда в том, что дети и подростки изначально про классику думают, что это старье какое-то, и в школе это часто преподносится с придыханием: «классика»... А на самом деле Шекспир, Пушкин, Грибоедов – хулиганы и в чем-то такие же подростки, как нынешние школьники, и то, о чем они писали, нисколько не устарело (Наталья Волкова).

В ответах писателей очевидно звучит общая мысль о том, что классика является универсальным языком и объединяющим поколения культурным кодом. В детской и подростковой литературе использование прецедентных текстов, заимствование сюжетов и мотивов классических текстов – это своеобразный «мостик» между эпохами, а обращение к классическим текстам обусловлено, с одной стороны, поиском точки опоры в достаточно хаотичном современном литературном поле, а с другой – тексты для детей и подростков современных писателей актуализируют произведения школьной программы, формируют новые читательские практики и повышают функциональную грамотность школьников.

Следующая группа вопросов была связана с возможностью создания так называемых «вторичных» текстов.

2. Если бы у Вас было желание написать **ремейк** на классическое произведение русской литературы, то какой текст и почему это был бы?

– Проще всего ремейк было бы сделать из «Идиота» или «Преступления и наказания» Достоевского, поскольку, во-первых, петербургский (кон)текст, по сути, не так уж изменился с течением времени, разве что прирос современными реалиями, а вот типажи что одного, что другого романа встречаются и в наши дни практически в неизменном виде (Вера Полищук).

– Я бы написала ремейки «Бедной Лизы» Карамзина или «Грозы» Островского, в которых героини бы не погибли. Или «Героиню нашего времени» по мотивам романа Лермонтова, но, как уже понятно из названия, с другой оптикой (Анна Ремез).

3. Если бы у Вас было желание написать **сиквел** на классическое произведение русской литературы, то какой текст и почему это был бы?

– Я бы сделала цикл сиквелов чеховских рассказов с открытыми концовками: «Анны на шее», «Ариадны», «Дамы с собачкой» и еще нескольких, где автор заинтриговал читателя и тот не узнал, что случилось с героями дальше. В этом случае время действия сиквела отстояло бы от оригинала не больше чем на несколько лет. Но еще можно было бы придумать пьесу или повесть, в которой действие происходило бы после Февральской революции и встретились бы основные персонажи «Трех сестер» и «Вишневого сада» (Вера Полищук).

– Ну, конечно, хотелось бы вернуть справедливость и воскресить Муму, и чтобы дети не умирали хотя бы в литературе, а в русской классической литературе их никто не щадил, и чтобы Ваню письмо, которое было отправлено «на деревню дедушке», дошло бы до этого самого дедушки, а маленькая девочка из рассказа «Спать хочется» выпалась и не становилась убийцей. Русская классика достаточно страшная, причем, мне всегда, с самого детства казалось, что она страшна безнадежно, то есть никакой надежды на хороший конец вообще быть не может. Ну вот что хорошего можно было придумать для всех этих вышперечисленных детей? Только какое-нибудь фэнтези, уход в сказку. Так что, наверное, мои сиквелы стали бы сказками типа «Нарнии», где все всё могут, потому что тот мир их очень ждет и любит (Наталья Волкова).

– Я бы спасла Анну Каренину! И вообще многие бы тексты в русской литературе сделала более позитивными. На многих них слишком однозначный штамп тоски и безысходности, такой русский бренд. Мне бы иногда хотелось это изменить (Анастасия Строчкина).

4. Если бы у Вас было желание написать **приквел** на классическое произведение русской литературы, то какой текст и почему это был бы?

– Думаю, это был бы «Евгений Онегин». Я это уже начал набрасывать. Детективно-приключенческий роман – загадка внезапных смертей «всех родных» Евгения, из-за чего он и стал богатейшим наследником. Полагаю, он их отравил с помощью студента-химика Ленского... А убрать Ленского ему помог сосед Дубровский (но это уже римейк). Почему? Потому что я как новел-

лист терпеть не могу «*deus ex machina*» – мне важно знать и понимать, почему произошел некий важный поворот в жизни героя. Просто так вдруг померли все до одного богатые дяди и тети? Тем более что папаша наследства не оставил («промотался наконец»). Э, нет! Так не бывает (*Денис Драгунский*).

– С приквелом интереснее. Что было до – в моем случае, видимо, «как герой был подростком». Как он таким вырос. И тут большое поле для действий. Детство Пьера Безухова, Кости Тrepлева, Дубровского, Сильвио – тут да, могло бы быть. Но все же не как самостоятельная книга, а как эссе-размышление, что-то такое (*Нина Дашевская*).

– Небольшой роман воспитания на тему заграничной и русской юности незаконнорожденного Пьера Безухова. Потому что для меня он один из самых живых толстовских героев. В качестве параллельной сюжетной линии там были бы юные Элен и Анатолий Курагины – показать, как эти персонажи подрастали в своей светской вселенной до встречи с Пьером. И небольшая повесть о юности и браке Анны Карениной – судя по намекам автора, там была интересная история, и занятно было бы покрутить персонаж в руках и понять, как сложился такой характер (*Вера Полищук*).

– А вот приквел – это очень интересно. Интересно посмотреть на детство многих героев. Например, как Базаров стал таким циником, как Печорин дошел до такого отношения к жизни. Я бы сказала, что классика – это не что-то священное, с чего надо сдувать пыль и на что надо молиться. Классика – это такая же современная литература, только для тех, кто жил раньше нас. От того, что с ее написания прошло больше ста лет, она не стала лучше и священнее. Поэтому по поводу нее нужно спорить, можно доказывать, что автор не прав, можно ее не любить, можно ненавидеть Анну Каренину и Катерину, которая «луч света в темном царстве». Лично мне на уроках литературы больше всего в школе нравились вот эти споры до хрипоты: права Катерина, что бросилась с обрыва или не права (*Наталья Волкова*).

– Наверное, было бы интересно узнать о детстве взрослого героя, отличающегося оригинальностью мышления. Например, о Раскольникове или князе Мышкине (*Анна Игнатова*).

– Приквел, как правило, рассказывает про детство, я бы написала о детстве Ани Карениной, поскольку Толстой об этом нам поведал очень мало, оно типичное для многих литературных героинь – она сирота из богатой семьи, воспитанная набожной теткой. Интересно было бы пофантазировать на эту тему (*Анна Ремез*).

Представляется симптоматичным тот факт, что для детских писателей самым предпочтительным из всех «вторичных» жанров становится при-

квел, жанр, в котором рассказ о детстве героя сможет стать ключом к пониманию дальнейшей судьбы героя классического текста.

Выводы

В. Б. Катаев в книге «Игра в осколки: судьбы русской классики в эпоху постмодернизма» говорит об игровом начале литературы, которое проявляется в интертекстуальности и в «игре черепками, осколками прошлой культуры», утверждая, что «русская классика продолжает оставаться источником национальной мифологии» [Катаев 2002: 14] и что «использование прошлой культуры – самая распространенная модель развития культуры и литературы» [Катаев 2002: 15].

Представленные в статье анкеты писателей, каждый из которых занимает особое место в современной детской и подростковой литературе, свидетельствуют о том, что разнообразно представленный диалог со «школьным каноном» абсолютно органичен для них, является осознанной авторской стратегией, состоящей в привлечении читателей XXI в. к классическому тексту. Ответы писателей доказали справедливость слов Б. Дубина о том, что понятие классической литературы «принадлежит к ключевым компонентам литературной культуры – совокупности значений, которые делают возможным согласованное взаимодействие по поводу литературы, выступая смысловыми основаниями поведения его участников и образуя, при регулярности подобного взаимодействия и универсальном характере его регулятивных механизмов, ролевую структуру социального института литературы» [Дубин 2010а: 9].

Многообразие разворотов предложенной для обсуждения темы еще раз убедило в необходимости междисциплинарного подхода к феномену современной подростковой литературы. «Каждая эпоха по-своему переакцентирует произведения ближайшего прошлого. Историческая жизнь классических произведений есть, в сущности, непрерывный процесс их социально-идеологической переакцентуации» [Бахтин 1975: 231–232]. Современная литература, созданная как для взрослых, так и для подростков, говоря о сугубо актуальных событиях, часто измеряет их той мерой, которая задана литературой прошлого. Несмотря на дискуссии о том, продолжает ли Россия оставаться литературоцентричной страной, является ли классика морально и идеологически безупречной, нельзя не признать, что классическая литература продолжает оставаться важнейшей, если не стержневой, составляющей национальной идентичности и предметом постоянного диалога для современной литературы.

Литература

Аверинцев, С. С. Две тысячи лет с Вергилием (Перечитывая классику) / С. С. Аверинцев // Иностранная литература. – 1982. – № 2. – С. 193–201.

Бахтин, М. М. Слово о романе / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. – С. 72–234.

- Выготский, Л. С. Глава VII. «Легкое дыхание» / Л. С. Выготский // Психология искусства / общ. ред. В. В. Иванова. – 3-е изд. – М. : Искусство, 1986. – С. 183–205.
- Гаспаров, М. Л. Первочтение и перечтение: К тыняновскому пониманию сукцессивности стихотворной речи / М. Л. Гаспаров // Тыняновский сборник: Третьи Тыняновские чтения / отв. ред. М. О. Чудакова. – Рига : Зинатне, 1988. – С. 15–24.
- Гаспаров, М. Л. Столетие как мера, или классика на фоне современности / М. Л. Гаспаров // Филология как нравственность. Статьи, интервью, заметки. – М. : Фортуна ЭЛ, 2012. – С. 158–163.
- Гетманская, Е. В. Мультиmodalное чтение в кругу западных исследований: вызовы, подходы, противоречия / Е. В. Гетманская // Педагогика чтения в цифровую эпоху : монография / В. Ф. Чертов, А. М. Антипова, Е. С. Романичева [и др.] ; под ред. В. Ф. Чертова и А. М. Антиповой. – М. : МПГУ, 2024. – С. 104–121.
- Гудова, М. Ю. Чтение в эпоху постграмотности: культурологический анализ : дис. ... д-ра культурологии / М. Ю. Гудова. – Екатеринбург, 2015. – 329 с.
- Дубин, Б. В. Идея «классики» и ее социальные функции / Б. В. Дубин // Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре. – М. : Новое литературное обозрение, 2010а. – С. 9–43.
- Дубин, Б. В. Классика, вокруг и после (о границах и формах культурного авторитета) / Б. В. Дубин // Политическая концептология. – 2010б. – № 4. – С. 28–39.
- Катаев, В. Б. Игра в осколки: судьбы русской классики в эпоху постмодернизма / В. Б. Катаев. – М. : Издательство Московского университета, 2002. – 251 с.
- Клишина, Е. Спойлеры / Е. Клишина. – М. : Самокат, 2020. – 128 с.
- Красоткин, Д. М. Стратегии чтения: «Легкое дыхание» И. Бунина с точки зрения семиотики / Д. М. Красоткин // Уральский филологический вестник. – 2019. – № 4. – С. 95–102.
- Олейников, А. Легкое дыхание / А. Олейников. – М. : Альпина, 2024. – 266 с.
- Олейников, А. Онегин. Графический путеводитель / А. Олейников ; иллюстрации Н. Яскиной. – 3-е изд. – М. : Самокат, 2022. – 128 с.
- Павловец, М. Г. Школьный канон как поле битвы: историческая реконструкция / М. Г. Павловец // Неприкосновенный запас. – 2016. – № 2 (106). – С. 71–91.
- Печейкин, В. Лекции о русской литературе: от Пушкина до Кафки / В. Печейкин. – М. : InSpiria, 2023. – 161 с.
- Самутина, Н. Споры по поводу «Созданного в бездне»: транснациональные культуры соучастия как культурные интерпретаторы японских текстов / Н. Самутина // НЛО. – 2022. – № 174. – С. 182–194.
- Сосновская, И. В. Школьное литературное образование: современные практики и технологии : монография / И. В. Сосновская, Е. Н. Малышева, И. Г. Арсентьева ; под науч. ред. И. В. Сосновской. – Иркутск : Аспринт, 2023. – 234 с.
- Хализев, В. Е. Теория литературы : учебник для студ. высш. учеб. заведений / В. Е. Хализев. – 5-е изд., испр. и доп. – М. : Издательский центр «Академия», 2009. – 432 с.
- Эко, У. Инновация и повторение. Между эстетикой модерна и постмодерна / У. Эко // Философия эпохи постмодерна. – Минск : Красико-принт, 1996. – С. 48–74.

References

- Averintsev, S. S. (1982). Dve tysyachi let s Vergiliem (Perechityvaya klassiku) [Two Thousand Years with Virgil (Rereading the Classics)]. In *Inostrannaya literatura*. No. 2, pp. 193–201.
- Bakhtin, M. M. (1975). Slovo o romane [A Word about the Novel]. In *Voprosy literatury i estetiki*. Moscow, pp. 72–234.
- Dubin, B. V. (2010a). Ideya «klassiki» i ee sotsial'nye funktsii [The Idea of “Classics” and Its Social Functions]. In *Klassika, posle i ryadom: Sotsiologicheskie ocherki o literature i kul'ture*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 9–43.
- Dubin, B. V. (2010b). Klassika, vokrug i posle (o granitsakh i formakh kul'turnogo avtoriteta) [Classics, Around and After (about the Bounds and Forms of Cultural Authority)]. In *Politicheskaya kontseptologiya*. No. 4, pp. 28–39.
- Eco, W. (1996). Innovatsiya i povtorenie. Mezhdru estetikoi moderna i postmoderna [Innovation and Repetition. Between the Aesthetics of Modernity and Postmodernity]. In *Filosofiya epokhi postmoderna*. Minsk, Krasiko-print, pp. 48–74.
- Gasparov, M. L. (1988). Pervochtenie i perechtenie: K tynyanovskomu ponimaniyu suktsessivnosti stikhotvornoi rechi [The First Reading and Re-reading to Tynyanov's Understanding of the Succession of Poetic Text]. In Chudakova, M. O. (Ed.). *Tynyanovskii sbornik: Tret'i Tynyanovskie chteniya*. Riga, Zinatne, pp. 15–24.
- Gasparov, M. L. (2012). Stoletie kak mera, ili klassika na fone sovremennosti [A Century as a Measure, or a Classic Against the Background of Modernity]. In *Filologiya kak nrvstvennost'. Stat'i, interv'yu, zametki*. Moscow, Fortuna EL, pp. 158–163.
- Getmanskaya, E. V. (2024). Mul'timodal'noe chtenie v krugu zapadnykh issledovani: vyzovy, podkhody, protivorechiya [Multimodal Reading in the Circle of Western Studies: Challenges, Approaches, Contradictions]. In Cher-tov, V. F., Antipova, A. M., Romanicheva, E. S. et al. *Pedagogika chteniya v tsifrovuyu epokhu: monografiya*. Moscow, MPGU, pp. 104–121.
- Gudova, M. Yu. (2015). *Chtenie v epokhu postgramotnosti: kul'turologicheskii analiz* [Reading in the Post-literacy Era: A Cultural Analysis]. Dis. ... d-ra kul'turologii. Ekaterinburg. 329 p.
- Kataev, V. B. (2002). *Igra v oskolki: sud'by russkoi klassiki v epokhu postmodernizma* [The Game of Fragments: The Fate of Russian Classics in the Postmodern Era]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 251 p.

- Khalizev, V. E. (2009). *Teoriya literatury* [Theory of Literature]. 5th edition. Moscow, Izdatel'skii tsentr «Akademiya». 432 p.
- Klishina, E. (2020). *Spoilery* [Spoilers]. Moscow, Samokat. 128 p.
- Krasotkin, D. M. (2019). Strategii chteniya: «Legkoe dykhanie» I. Bunina s tochki zreniya semiotiki [Reading Strategies: I. Bunin's "Light Breathing" from the Point of View of Semiotics]. In *Ural'skii filologicheskii vestnik*. No. 4, pp. 95–102.
- Oleinikov, A. (2022). *Onegin. Graficheskii putevoditel'* [Onegin. Graphic Guide]. 3rd edition. Moscow, Samokat. 128 p.
- Oleinikov, A. (2024). *Legkoe dykhanie* [Light Breath]. Moscow, Al'pina. 266 p.
- Pavlovets, M. G. (2016). Shkol'nyi kanon kak pole bitvy: istoricheskaya rekonstruktsiya [The School Canon as a Battlefield: Historical Reconstruction]. In *Neprikosnovennyy zapas*. No. 2 (106), pp. 71–91.
- Pecheikin, V. (2023). *Lektsii o russkoi literature: ot Pushkina do Kafki* [Lectures on Russian Literature: From Pushkin to Kafka]. Moscow, Inspiria. 161 p.
- Samutina, N. (2022). Spory po povodu «Sozdannogo v bezdne»: transnatsional'nye kultury souchastiya kak kul'turnye interpretatory yaponskikh tekstov [The Controversy over “Created in the Abyss”: Transnational Cultures of Complicity as Cultural Interpreters of Japanese Texts]. In *NLO*. No. 174, pp. 182–194.
- Sosnovskaya, I. V., Malysheva, E. N., Arsentyeva, I. G. (2023). *Shkol'noe literaturnoe obrazovanie: sovremennye praktiki i tekhnologii* [School Literary Education: Modern Practices and Technologies]. Irkutsk, Asprint. 234 p.
- Vygotsky, L. S. (1986). Glava VII. «Legkoe dykhanie» [Chapter VII. “Light Breath”]. In Ivanov, V. V. (Ed.). *Psikhologiya iskusstva*. 3rd edition. Moscow, Iskusstvo, pp. 183–205.

Данные об авторе

Черняк Мария Александровна – доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48.

E-mail: ma-cher@yandex.ru.

Author's information

Chernyak Maria Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russia).

Дата поступления: 14.11.2024; дата публикации: 28.12.2024

Date of receipt: 14.11.2024; date of publication: 28.12.2024